

Девственница
ДЛЯ МОНСТРА

АМАЛИЯ ЧЕЙЗ

Амалия Чейз

Девственница для монстра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57450071

Девственница для монстра:

Аннотация

Я думала, я отправилась в отпуск своей мечты, но я попала в жуткий ад. Меня похитили и сделали из меня рабыню, продав на аукционе как какую-то вещь хладнокровному миллиардеру с извращенной фантазией. Теперь я – любимая игрушка монстра. И у меня есть два выхода: умереть в пучине порока и греха или растопить лед в бездушном сердце монстра, чтобы обрести свободу.

В книге используется нецензурная брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Амалия Чейз

Девственница для монстра

Глава 1

Анна

– Ленка! Ты только посмотри! Какая красотища! – я не могу сдержать эмоций, верещу как резаная, почти голос срываю.

– Боже! Мы прилетели за границу! Мы в Турции. В центре Анталии!

– О да, детка? Что, готова отрываться? – Ленка задорно хихикает, толкая меня бедром.

– А то! Ну, и куда мы сейчас двинем? – я горю как факел, нетерпение рвёт моё тело на части.

– На шоппинг, конечно! – хохочет моя лучшая подруга, которая потирает ручки в предвкушении грандиозных планов.

– Айда! Лови такси! – я одобряю её затею, ничуть не сомневаясь.

Сбежав по ступенькам отеля, мы подбегаем к дороге. Лёгким взмахом руки я останавливаю проезжающую мимо жёлтую машину с чёрными шашечками. Открываю дверь, здо-

роваюсь с водителем и сажусь внутрь на заднее сиденье такси вместе с Ленкой. Машина трогается с места.

– Камеру приготовила? – я улыбаюсь Лене до такой степени, что у меня скулы болят.

– Конечно! Давай селфанёмся.

Хихикая, мы обнимаемся, изображая счастливые моськи, и делаем несколько кадров на фоне пышных пальм, которые мелькают на заднем плане.

– Ущипни меня, – прошу я подругу, – мне кажется, будто я сплю. – Ай! Дура ты, я пошутила.

Ленка и правда щипает меня за плечо. Причём, достаточно сильно.

– Две недели свободы! В другом городе, в другой стране, – возбужденно подчёркивает Елена. – Никакого надзора предков. Повседневной рутины и суеты. Даже жрачку можно не готовить и посуду не будем мыть. Боже, я попала в рай!

– Ой, не напоминай. Еле-еле нас с тобой отпустили. Не маленькие ведь уже. Ты работаешь, я работаю. Даже за жильё уже сама плачу.

– М-да, такая же фигня. На то они и родители, чтобы переживать и трястись за каждый шаг. Как родишь, поймёшь. Вечно мне это в лоб толдычат.

Я киваю с умным видом, во всём соглашаюсь с Ленкой.

Мы проводим в дороге около десяти минут. Водитель, типичный темноволосый и темноглазый турок, не спеша ведёт автомобиль, достаточно часто поглядывая на нас в зеркало

заднего вида. Наверно, он и слова не понимает из нашего разговора. Да, ведь мы общаемся на русском. Мы две туристки, приехавшие из глубинки России, чтобы узнать, что такое настоящая жизнь.

Таксист негромко включает радио, в салоне становится веселей. Он даже подпевает на куплетах неизвестной мне турецкой песни и подмигивает нам, а я смущаюсь. Ох нет, не нравится мне этот тип. Слишком стар. И уж слишком у него глаза чёрные, прожигающие. Да и своей грубоватой внешностью он вызывает у меня отвращение.

Мы с Ленкой возбуждено шушукаемся друг с другом, буквально взрываясь от эмоций, рассматривая из окна такси невероятные виды и строим грандиозные планы на эти две недели кайфа. Я долго откладывала средства на поездку. Подрабатывала репетитором английского языка три года. Недосыпала. Недоедала иногда. И вот, моя мечта сбылась. Как и Ленка. Мы с ней студентки. Учимся вместе на инязе, на последнем курсе. Чтобы попрактиковаться, улучшив свои знания в профессии, решили отправиться в заветное путешествие.

Мы хохочем, наслаждаясь каждой прожитой секундой отдыха, и даже не замечаем, как машина резко сворачивает в переулок. Всё происходит слишком быстро. Я даже закричать не успеваю. Двери такси с обеих сторон распахиваются и нас вытягивают на улицу.

Я успеваю запоминать лишь то, как отчаянно отбивается

моя подруга. Её силой держит здоровенный амбал нерусской внешности, прижимая Лену спиной к полному животу, и душилит.

– М-мамочки! М-ма-ма! Помогите...

Она быстро теряет сознание. И я тоже. Когда и ей, и мне грубо затыкают рот тряпками с едким химическим запахом.

Жизнь словно обрывается. Вот так вот резко и непредсказуемо. А я будто падаю в темноту. Не представляя, какие ужасы ждут нас дальше.

* * *

Пробуждение выдалось тяжёлым и болезненным. Не только для шокированного сознания, но и для каждой клетки измотанного тела. Я пытаюсь распахнуть глаза. Ресницы тяжёлые, как гири. Я медленно моргаю, по ощущениям, будто плаваю где-то в открытом космосе. Горло моментально сдавливает ужасная тошнота. Я напрягаю голову, пытаюсь вспомнить, что со мной происходит.

Где я? Почему меня тошнит и хочется рыдать от ужаса?

Спустя несколько секунд память полностью восстанавливается.

Нет. Mamochka! Нет.

Меня что... Похитили? Нас с Леной! Посреди белого дня. Какие-то рослые бородатые амбалы вытащили нас из такси и усыпили.

Господи. Помоги. Я сплю. Я просто сплю, чёрт возьми! И мне кошмар жуткий снится.

«Просто кошмар... Просто игра воображения», – отчаянно приговариваю я себе самой, надеясь на лучшее, но умом всё же прекрасно осознаю, что я нахожусь в самой, что ни на есть реальности.

Я несколько раз хорошенько моргаю и вижу прямо по курсу яркую лампу, которая на длинном проводе раскачивается под высоким потолком. Я понимаю, что я нахожусь в достаточно тёмном и прохладном помещении. Судя по всему, без окон. Наверно, в подвале. Я приказываю себе выключить панику, собраться с силами и придумать план. Я должна запомнить каждую деталь помещения, прислушаться к звукам. Возможно, эти простые действия смогут мне помочь.

Внезапно, я вижу перед собой объёмную тень. Точнее, фигуру. Прищурившись, я узнаю в этой фигуре коротко стриженного седого мужчину в белой маске. Я судорожно втягиваю ноздрями затхлый воздух, с запахом плесени, и понимаю, что я лежу на какой-то кушетке, застеленной красной простынёй. Мои руки прикованы наручниками к металлической спинке кровати, а ноги согнуты в коленях и широко разведены в стороны. В таком положении их удерживает тот самый незнакомый тип в маске.

Нет! Ох, нет!

Он трогает меня там. Тщательно ощупывает промежность холодными пальцами, которые, по ощущениям, кажется, об-

тягивает плотный латекс перчаток.

Урод. Лапает мои складки. Надавливает на лоно, хорошенько его ощупывая, будто оценивает качество товара, который собирается выставить на продажу. Я лежу в полном ступоре. Не могу даже и на миллиметр сдвинуться с места. Будто намертво пригвоздило к койке. Тем более, закричать не могу. Возможно, так проявляется последствие наркоза. Или же, я впала в глубокий шок.

– Девственница.

Хрипло шипит седоволосый мудака на английском, энергичней нажимая на складочки. Истерический вопль почти разрывает моё горло, когда я ощущаю, как его палец толкается в тесную мякоть плевры.

– Б-больно, – вяло хриплю я, без капли сил, пытаюсь дёрнуться, но не могу. Тело будто набили соломой. Я чувствую себя соломенной куклой. И эта недееспособность убивает.

– Слишком маленькая и узкая дырка!

– Ну ни хуя себе! Вот так удача, – рядом слышится ещё один мужской голос. С лёгким акцентом. – Прекрасно! Она станет изюминкой аукциона! Надо сообщить Батуру, чтобы он отправил всем нашим уважаемым клиентам брошюры с лотами. Её нужно красиво сфотографировать. Цветочек. Лакомый кусочек пирога. Эта русская красotka принесёт нам кучу бабла! – радуется бездушный ублюдок, аж захлёбывается в слюнях.

Громоздкая тень возвышается надо мной, как радиацион-

ная туча. Теперь я вижу лицо второго незнакомца. Он немолодой, щетинистый. С мелкими крысиными глазками и сальными редкими волосами, цвета золы. Скривившись в ехидной ухмылке, мерзавец жадно меня рассматривает. Грубые пальцы похитителя резко впиваются в мои щёки. Меня терзает за кожу щёк, как какую-то вещь неодушевленную, нахваливая за отменные внешние данные.

Я пытаюсь дёргаться, сопротивляться, но у меня ничего не выходит. Я вижу плохо, размыто. Один ублюдок в маске ковыряется пальцами в моей промежности, второй треплет за лицо, а у меня по щекам слезы хлещут от осознания того, что я на полном серьёзе попала в самую настоящую беду. И это не шутка.

Как же так вышло? Где Лена? Где мы?

Мужчина заканчивает осмотр. Он отпускает меня и убирает грязные грабли. Второй напарник тоже отходит от койки на шаг назад, но продолжает резать меня жадным и омерзительным взглядом. Нет, он не смотрит, он будто насквозь ножами шманает невинное и незащищенное тело. Собрав все имеющиеся силы, я пробую дёрнуться, вырваться из западни. Мне удаётся лишь согнуть ноги в коленях и притянуть их к груди, скрывая промежность.

Я голая. Абсолютно голая. Уроды не оставили мне и клочка одежды. Тупо приковали наручниками к спинке кровати, теперь вот любят зрелищем, истекая слюнями. Мрази безбожные!

Глава 2

Анна

– Пустите! – еле-еле лепечу языком, но меня вдруг хватают за шею и сильно сдавливают трахею. До синяков, наверно.

Гандон в маске мне что-то рычит, угрожая и запугивая:

– Значит так, сука! Слушай сюда! Ты будешь делать то, что тебе говорят. Поняла?! Или тебе будет очень больно!

Внезапно, я слышу странный щелчок. По коже проносится ледяной озноб из орды мурашек. Второй мужчина щёлкает перед моим лицом серебристым лезвием ножа, скалясь в страшной ухмылке, с зубищами, как у акулы.

– Кишки тебе вырежем, и на шею намотаем, если будешь сопротивляться! Или подруге твоей! Ты же не хочешь, чтобы она пострадала из-за тебя?

– Нет, нет, – машу головой, задыхаясь от адского ужаса и бесконечного потока слёз.

– Хорошо. Хорошая девочка.

Сукин сын гладит меня по щеке острыми ногтями. Меня воротит от его прикосновений и запаха пота. Я почти блюю прямо на тошнотворную физиономию преступника, но усилием воли подавляю в себе нарастающие спазмы рвоты. Наверно, это неимоверно сильно разозлит утырка. Тогда он, в порыве ярости, точно поранит меня ножом.

Я поворачиваю голову влево и вижу Лену. Её тоже связали. Она голая, как и я. Но до сих пор лежит без сознания.

Господи, жива хоть?

Сдавленный стон вырывается из моих лёгких с ещё одним потоком горьких слёз, в которых я начинаю тонуть, как в безжалостных волнах цунами.

– Сейчас тебя будут фотографировать. Сделай спокойную мордашку и сопلي вытри. Мы отведём тебя к фотографу. Напоминаю, без глупостей! Усекла?

Есть ли у меня выбор?

Нет. Ни единого шанса на чудо. Мне приходится молчать и унижаться перед отвратительными подонками.

– Твоя задача держать рот на замке и во всем подчиняться, – разъясняет мне нелюдь в маске. Кивни, если поняла и обещаешь быть послушной дырочкой.

Киваю, с убийственной болью в сердце.

Похитители освобождают мои руки.

– Поднимайся, шлюха. В темпе, давай!

– Я не ш-шлюха! – рефлекторной взрываюсь от несогласия.

– Ничего-ничего, скоро ей станешь. Дело двух дней, – противный гогот больно врезается в уши.

Я отталкиваюсь онемевшими руками от то, что якобы зовётся постелью, кое-как встаю на ноги. Шатаюсь. Мир немилостиво вертится перед моими глазами. Я бросаю случайный взгляд на левую руку и в ужасе вижу там ранку – маленькую

точечку, напоминающую комариный укус.

Твари! Они меня чем-то укололи. Чтобы покладистой была, чтобы не махала руками и ногами, выражая протест.

Громилы подхватывают меня под руки и куда то-ведут, уводя из комнаты. Голую. Босую. С опухшими от слёз глазами.

Мы выходим в тёмный коридор. Двигаемся по нему почти до самого конца. Стены шатаются, а потолок раскачивается как во время землетрясения. Как же мне плохо...

Меня толкают в одну из дверей коридора, самую последнюю, я попадаю в светлую комнату, в которой почти полностью отсутствует мебель. Там меня встречает худощавый мужчина нерусской внешности, который сжимает в руках фотоаппарат.

– Звезду «Playboy» заказывали? – глумится один из мразей, толкая меня в распоряжение фотографа.

– М-м, какая сочная! Отличный экземплярчик подвернулся.

– Это точно.

– Сиськи зачётные, натуральные?

– Да.

– Давно не попадались русские курочки. Свеженькая, молоденькая. А глазища какие, м-м-м! Бездна океана. Сам бы купил, чтоб на члене скакала, но...

– Бабла не хватит, – принижает фотографа один из подельников, пока тот алчно и тщательно сверлит меня похот-

ЛИВЫМ ВЗГЛЯДОМ.

– Она одна?

– Нет, есть ещё и вторая. Но там такое... Не фонтан. Бы-
валая дырка.

– А эта?

– А эта, блять, целочка.

Фотограф удивлённо присвистывает, придерживая меня
за локоть, пока я болтаюсь как тягучая карамель в разные
стороны.

– Хороша! – прожигает меня жадным взглядом. Он тоже
турок. Только высокий и худой, как дрыщ. С кучерявыми
волосами и кривым носом. У него из пасти воняет. Я сейчас
точно вырву.

– Хватит надрачивать на неё в мыслях. Эта тёлка –
собственность клуба. Давай уже, поторапливайся. Включай
свою шарманку и делом займись. Впереди ещё пять лотов.
До вечера нужно успеть сделать им годное портфолио, чтобы
как следует заработать.

Дрыщ что-то буркает себе под нос. Впиваясь грубой хват-
кой в мой локоть, он тащит меня к стоящему в конце комна-
ты кожаному креслу. Ставит возле него как гуттаперчевую
марионетку, выбирая интересную позу, и принимается за ра-
боту.

Он начинает меня фотографировать и ставит в разные
пошлые позы. Ублюдок фотографирует все части моего тела.
Особенно грудь, ягодицы и промежность. С разного рассто-

нения, с разных ракурсов. Заставляет сесть на кресло, широко развести ноги. Погладить клитор, развести половые губки пальцами, потеревить узкую киску. И, наконец, вставить указательный палец в анальный проход, вместе с тем, изобразить страсть на лице.

Я понимаю его приказы. Я идеально знаю английский. И турецкий тоже. Но вот эмоции получаются отнюдь не натуральные. Я скована и, напугана, как степной заяц. Но похитители не делают мне замечаний. Наверно, так и должно быть. Я должна показать на снимках естественность, даже забитость. Ведь я девственница. Покупатели должны видеть меня именно такой. Робкой, неуверенной, застенчивой.

Дрыщ ставит меня на четвереньках и фотографирует вид сзади.

– Отличная панорама! – гогочет ублюдок.

Это так унижительно! Я почти вою в голос от ненависти и стыда!

Я поворачиваю голову влево и вижу, как те двое мужчин, которые привели меня сюда, приспустили штаны, вытащили члены из трусов и, без угрызения совести, дрочат, глядя на мой позор.

А меня до сих пор всю шатает, как катер в открытом штормовом море. Я плаваю в какой-то странной эйфории, напоминающей сироп. Наверно поэтому во всём угождаю тварям.

Фотограф заканчивает работу. Он приказывает мне сесть на кресло развести широко ноги и трогать свою грудь.

– Мни её! Да! Да, маленькая шлюшка! – кричит этот урод с длинным носом и сальными волосами и тоже снимает штаны, присоединяясь к дрочке.

Я зажимаюсь, но мне тут же дают действенного пинка.

– Делай как говорят, русская сучка! Ласкай себя! И куночку тоже потереби! Иначе мы втроём вытрахаем всё дерьмо из твоей подружки на твоих глазах! И ты будешь виновата в ее травмах! Как думаешь? Её дырка выдержит три ствола одновременно? Она же не целка, в отличие от тебя! – ржёт врач, задыхаясь от эмоций.

Не врач он. А мой палач.

Я быстро начинаю делать так, как они говорят, хоть по моим щекам хлещут реки слез, а тело не слушается. Одной рукой я ныряю между ног, хватаю себя пальцами за клитор, а второй мну большую и сочную грудь. Натуральную. У меня большой размер. Четвертый. Бог наградил меня этим проклятьем! Наверно поэтому меня и похитили.

У меня сухо в промежности. Мне самой очень противно. Но как бы я не натирала, как бы не старалась разогреть увядшую плоть – так сухой и осталась.

Уроды кончают прямо на пол с хриплыми стонами. Меня никто не трогает. Слава богу. Они уводят меня обратно в ту чёртову комнату, без окон, пропахшую сыростью, и швыряют на кровать. Кретин в медицинской маске наклоняется ко мне очень близко, осаждая грозным голосом.

– Сейчас ты будешь спать. А как проснешься, тебя выста-

вят на сцену, на торги.

– Где я? – вымаливаю хоть какой-то ответ с дрожью на губах.

– Ты теперь рабыня. Тебя продают в рабство. Завтра тебя купит твой Хозяин. Возможно, ты отправишься в другую страну, смотря откуда родом будет твой покупатель. Ты будешь его постельной игрушкой и будешь ему служить, – рыгочет сукин сын, сверкая чёрными, как ад, глазами.

– Нет, пожалуйста. Нет! – я начинаю отчаянно биться и умолять о милости грязного ублюдка. – Отпустите меня. Я прошу. Я дам вам всё, что у меня есть! Всё!

– Цыц! Поверь, на торгах за целку дают столько, что ты сама охереешь, если узнаешь. На эти деньги можно купить хоть целый остров. Помни, о чем я тебе говорил! Если не будешь слушаться, тебя посадят на иглу. Или изобьют до гематом на жопе. Будет больно! Адски!

Я киваю. У меня нет выбора. От слова совсем. Мне остается лишь молиться. И надеется, что я достанусь хорошему и красивому мужчине.

Врач хватает меня за руку. Вытягивает её вдоль кровати. Бьет пальцами по венам. Я дергаюсь, когда вижу в руке мучителя шприц. Острая игла пронизывает венку на сгибе локтевого сустава, мне становится немного больно. Жидкость из шприца медленно вливается в и без того слабое тело. По ощущениям в меня как будто впрыскивают едкую кислоту.

– Красивая, аппетитная девочка с узенькой куночкой. Нам

с тобой охуенно повезло, – шершавые руки ублюдка гладят моё лицо. Скользят ниже, к шее, к груди.

Острая боль пронизывает сосок. Пидар! Он хватает меня за грудь и больно её сдавливает, выкручивая сосок по спирали, а сам ржёт как конченный дегенерат, наслаждаясь чужой болью.

– Перестань, идиот! Не испортить товар! – яро бранится напарник, оттаскивая выродка подальше от кровати.

– Сорри, не удержался.

Грудь пульсирует, но боль постепенно уходит. Веки тяжелеют, а глаза закатываются. Я опускаю ресницы, проваливаясь в бесчувственную темноту. Сейчас мне хочется лишь одного... если не спасения, то быстрой и легкой смерти.

Глава 3

Анна

– Триста тысяч!

– Пятьсот!

– Напоминаю, что лот весьма ценный и редкий! Девчонка девственница! Кто даст больше?

– Девятьсот!

Яркая вспышка бьет в глаза. Я плыву как в тумане, пошатываясь на волнах. Жутко неустойчивые каблуки трут пятки. Голова кружится. В висках давит. Я слышу голоса. Целый ансамбль разных звуков. В помещении холодно и жутко воняет табачным дымом.

Я несколько раз интенсивно моргаю, мои глаза адаптируются к окружающей обстановке. Я не помню, как оказалась на сцене. Только сейчас более-менее хоть что-то начала ображать, после того ублюдского укола.

Я не вижу ничего, кроме ярких прожекторов, которые неприятно режут глаза. Судя по всему, торги уже начались. Точнее, заканчиваются. Я – главный лот зажавшихся ублюдков. За право обладать девственницей разгорается нешуточная война. Ставки летят со всех сторон, как шальные пули. Цена за то, чтобы первым порвать целку, растёт с каждой секундой.

Я опускаю голову ниже, рассматриваю себя. На мне болтается блестящее розовое платье, абсолютно прозрачное, а на ногах сверкают лабутены на высоченном каблуке. Как я ещё стою?

Под платьем ничего нет. Голое, юное тело. Которое очень скоро достанется какому-нибудь омерзительному баблоплюю.

Я кукла. Выставленная на продажу. Игрушка взрослых дядек. Избалованных красивой жизнью мразей-олигархов. Которые прямо сейчас делают бешеные ставки, соревнуясь, кто круче, у кого больше всего спрятано зелени в казне.

Ужасные. Бесчеловечные люди. Бессердечные нелюди.

– Миллион! – хрипит откуда-то из зала прокуренный голос.

Я почти падаю без задних ног, шокированная ростом ценника, но меня резко хватают за плечи и рывком срывают с меня платье.

Я пытаюсь прикрыть голую грудь руками, но конечности не слушаются. Ряженный мерзавец в белом смокинге, который ведёт торги, мастерски распаляя публику, жмет меня за соски, щупает за грудь, демонстрируя всем гостям отменного качества товар.

– Грудь своя! Натуральная! – поворачивает, как какую-то юлу игрушечную, трубя восторженным голосом в микрофон. – А попка? Сочная, пышная. Анус, кстати, тоже девственный и охренеть какой узкий. Кто даст больше миллио-

на, господа? Честное слово, сегодня, впервые за историю существования клуба, выставлен наиценнейший лот! Русская красotka. Целочка. Будет днями и ночами напролёт согревать вашу постель! Впрочем, спектр применения данного товара достаточно широк.

Ведущий крутит моё вялое тело во все стороны. Наклоняет. Вперёд-назад. Раздвигает ноги, щедро показывая покупателям все мои дырочки. А я ничего не могу сделать. Мышцы не поддаются контролю. Разум дрейфует где-то на просторах тягостной эйфории. Ублюдки накачали меня дурью.

– Полтора! – рьяно звучит из зала.

– Два!

С ума сойти можно. Они что, шутят?

– М-м! А кто даст больше, получит ещё и этот роскошный дизайнерский ошейник для вашей новенькой игрушки в подарок.

Мразина вытягивает руку вперёд – вертит и позвенивает некой вещицей, по форме напоминающей круг, на милость публике.

– Три.

Полный. Трындец.

– Три раз. Три два. Три три! И... продано! За три миллиона! Ну ничего себе! Господа, в нашем клубе новый рекорд!

Бурные овации разрывают зал. Все смеются, аплодируют, веселятся. Все, кроме меня. Ведь с этой самой секунды жизнь для меня навсегда заканчивает. А что ждёт меня даль-

ше? Лишь небесам известно. Выживу я, или нет. Вернусь ли когда-нибудь домой? Или умру без вести от рук какого-нибудь невменяемого садиста.

– Увести, – шипит выскочка-ведущий, отдавая приказ охранникам.

На меня бегло набрасывают платье, берут под руки и тащат в неизвестном направлении. Всё, что я могу – молиться. Ведь я пока ещё не знаю, какому зверю меня бросили на растерзание.

Я не видела покупателя. Но запомнила его голос. Он прозвучал холодно и властно. Мне кажется, что этот голос принадлежит более зрелому мужчине.

Боже, я прошу! Всем сердцем и душой молю тебя... Не отдавай меня на убой старому ублюдку-извращенцу.

Меня ведут по тёмному коридору, после заводят в какую-то комнату, в которой находятся несколько зеркал с яркими лампочками на них, а рядом стоят набитые до отвала одеждой переносные вешалки. Это примерная. Как в театре. Там меня торопливо приводят в порядок, наряжая в новую одежду – в платье, длиной чуть выше колен. Белого цвета, но более сдержанное по фасону. Почему белое? Наверно потому, что это цвет символизирует невинность.

– П-пожалуйста, смилуйтесь, – губы дрожат. Я понемногу отхожу от «наркоза» и, вцепившись в запястье девушке – стилисту, пытаюсь молить её о помощи. Темноволосая незнакомка с тёмными, как сажа глазами, брезгливо отдё-

гивает меня от себя. Между нами тотчас же встаёт мускулистая дубина – один из тех перекаченных охранников-мудачков, который первым стащил меня со сцены и запихнул сюда для преобразования.

– Проблемы? – рычит утырок, играя мускулами на здоровенных ручищах.

Я прикусываю язык. До боли, до крови. Девушка быстро испаряется, будто её и не было здесь вообще никогда.

– Что, красопетка, буянишь? – мерзавец устрашающе скалится, впивается шершавой ладонью в мой локоть, дёргает меня на себя, заставляя подняться на ноги, которые трясутся как проклятые.

Я не дышу. Когда вижу, как охранник суёт мне в лицо пятикубовый шприц, до краёв наполненный желтоватой жидкостью.

– Хочешь ещё сладенькое?

– Н-нет, нет, н-нет! Н-не надо. П-пожалуйста, – отчаянно трясую головой в разные стороны, так сильно, что пышные тёмные локоны хлестают меня по лицу, как отрезвительные удары пощёчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.